

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2013

Наталья Сочнева

К проблеме жанровой специфики летописных повестей 1185 г. о походе Игоря Святославича на половцев в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей

The article offers up a consideration of the possibility of distinguishing the presence of a third genre-type of the historical chronicle tale, intermediary between the military tale and the tale of princely crime. The tales of this intermediary genre-type narrate the internecine wars among the Rus princes. In them, just as in military tales, there appears a compositional element of battle description; however, they are also marked by their pathos. The chronicle tales of the 1185 campaign of Igor Sviatoslavich against the Cumans, contained in the Laurentian and the Hypatian Chronicles, should be seen as characteristic examples of the third, intermediary genre-type of the historical tale.

Key words: genre, the Old Russian literature, chronicle, the chronicle narrative, military story, the novel about the crime of a prince.

В статье выдвигается предположение о возможности выделения третьего, помимо воинской повести и повести о княжеском преступлении, промежуточного жанрового типа исторических летописных повестей. В повестях, относящихся к промежуточному жанровому типу, речь идет о междоусобных войнах русских князей, в них, как в воинских повестях, есть композиционный элемент описания битв, но, с другой стороны, они отличаются своим пафосом. Летописные повести о походе Игоря Святославича на половцев 1185 г. в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей предлагается рассматривать в качестве характерного примера третьей, промежуточной, жанровой разновидности исторических повестей.

Ключевые слова: жанр, древнерусская литература, летописание, летописная повесть, воинская повесть, повести о княжеских преступлениях.

Традиционно летописные повести 1185 г. о походе Игоря Святославича на половцев исследователи относят к жанру воинских повестей и рассматривают в одном контексте со «Словом о полку Игореве», которое, как считают, в жанровом отношении, в свою очередь, испытало влияние воинской повести. Отсюда часто делается акцент на прославлении похода и деяний князя Игоря Святославича.

В настоящей работе мы попытаемся разобраться в проблеме жанровой специфики данных летописных повестей, обратившись

к их основной идее и к анализу их композиции на основании выделения основных жанрообразующих мотивов.

Традиционно ученые в жанровом отношении подразделяют исторические повести в составе древнерусского летописания домонгольского периода на **воинские** и **повести о княжеских преступлениях** [1; 2; 5]. Изучая жанровую специфику летописных «повестей о княжеских преступлениях», мы пришли к выводу, что, с точки зрения жанра, исторические повести в составе раннего русского летописания не укладываются в эту принятую большинством исследователей «двухчастную» структуру.

Исходя из основной идеи и композиционной структуры произведений, мы пришли к заключению, что необходимо выделить **третий, промежуточный, жанровый тип исторических повестей, в которых речь идет о междоусобных войнах русских князей**. К такому жанровому типу мы можем отнести следующие летописные повествования: о междоусобной битве между Ярополком и Олегом **под 977 годом** (ПВЛ), о походе Владимира на Ярополка **под 980 годом** (ПВЛ), о битве Ярослава со Святополком на реке Альте **в 1019 году** (ПВЛ), о междоусобице **1067 года** князя Всеслава Полоцкого с Ярославичами (ПВЛ), о битве на Сожице между князьями Олегом и Борисом против князя Всеволода **под 1078 годом** (ПВЛ), о том, как князь Всеволод Ольгович **в 1139 году** решает отобрать города у других князей (Лаврентьевская летопись), о том, как **в 1149 году** князь Изяслав Мстиславич отнял имущество у князя Ростислава Юрьевича (Лаврентьевская и Ипатьевская летописи), о походе **1174 года** князя Андрея Юрьевича на Ростиславичей (Ипатьевская летопись), о походе **1176 года** князей Михалки Юрьевича и Всеволода против Ростиславичей (Ипатьевская летопись) и др.

Исследователи, в частности, Н. В. Трофимова в своей докторской диссертации, посвященной изучению жанра воинской повести, относят эти произведения к повестям воинским. Действительно, как в воинских повестях, в них присутствует описание военных походов, битв, осады городов и т. д. Однако мы считаем, что пафос этих произведений, их идейная направленность прямо противоположны основной идее воинских повестей. Здесь в центре находится не идея прославления патриотического подвига русских князей в борьбе с иноземцами, а, напротив, идея осуждения русских князей за их преступления друг против друга, которые трактуются как пре-

ступления против Русской земли в целом. Это, как и ряд других жанрово-композиционных особенностей, роднит данные повести с жанровым типом «повестей о княжеских преступлениях».

Как пример произведений, относящихся к выделяемой нами третьей жанровой разновидности исторических повествований в составе раннего русского летописания, занимающих промежуточное положение между повестями воинскими и повестями о княжеских преступлениях, мы предлагаем рассматривать летописные повести о походе Игоря Святославича на половцев 1185 г.

Описания военного похода и битв, как и в повестях воинских, отражены в изучаемых произведениях, однако, как отмечали многие исследователи, очень скупо, и не они в композиционном отношении составляют основу повествования. Напротив, черты, характерные для повестей о княжеских преступлениях, нашли в них яркое отражение и развиваются довольно последовательно.

Основные жанрообразующие мотивы изучаемых текстов характерны именно для повестей о княжеских преступлениях — это **мотив осуждения князей** и **мотив Божьего наказания за грехи, т. е. за преступления, совершенные в междоусобной борьбе**. Обратимся к анализу композиции произведений и проследим последовательность реализации данных мотивов.

Обратимся к анализу композиционной структуры Повести о походе Игоря по Лаврентьевской летописи. Статья 1186 г. начинается с описания небесного знамения, которое должно вселять страх в людей: «...В середу. на вечерни. бы знамень вь солнци. и морочно. бьсть велми. яко и звезды видети човекомъ вь очю яко зелено бяше. и вь солнци оучинися яко месяц. из рогъ его яко уголь жарокъ исхожаше. страшно бе видети човекомъ знамень Божье...» [3, с. 395]. Затем говорится о решении Игоря Святославича идти в поход на половцев. И здесь мы в первый раз слышим **мотив осуждения**, поскольку князь выступил в поход для того, чтобы добыть себе славу, а не защищать свою землю: «...Но сами поидоша о себе. рекуще мы есмь ци не князи же. [поидем] такъже себе хвалы добудет...» [3, с. 397].

Первая битва с половцами заканчивается победой русских войск, которым удастся захватить много пленных, при этом описания самой битвы как такового здесь нет: «...А дружины не дождавше и сступишася. и побежени бывше Половци. и биша и до вежь. множество полона взяша жены и дети...» [3, с. 397]. Зато вновь возникает мотив

осуждения автором русских князей за гордыню: «...*Рекуще братья наша ходили с Святославомъ великим князем.и билися с ними зря на Переяславль. а они сами к ним пришли а в землю ихъ не смели по них ити. а мы в земли их есмь. и самехъ избилъ а жены их полонены. и дети оу насъ. а ноне поидемъ по них за Донъ. и до конца избьемъ ихъ. оже ны будет ту победа. идем по них и луку моря. где же не ходили ни деди наши. а возмем до конца свою славу и честь...*» [3, с. 397].

Но радость князей сменяется поражением в битве с подоспевшими на помощь побежденным половцами. При этом поражение было настолько сильным, что князья были взяты в плен, а бояре и дружина либо убиты, либо тоже пленены. Эта битва описывается достаточно подробно, в частности говорится о противостоянии стрельцов и о тактике половцев, которые в ожидании подкрепления изматывали русские войска, не пуская их к воде: «...*И сняшася с ними стрелци и бишася 3 дни. стрелци а копы ся не снимали. а дружины ожидаючи. а к воде не дадуче имъ ити. и приспе к ним дружина вся. многое множество. наши же видевше ихъ оужасошася. и величанья своего отпадоша... Изнемогли бо ся бяху безводьемъ. и кони и сами в знои. и в тузе. и поступиша мало к воде. по 3 дни бо не пустили бяху ихъ к воде. Видевше ратнии устремишася на нь. и притиснуша и к воде. и бишася с ними крепко. и бысть сеча зла велми. друзии коне пустиша к ним съседше. и кони бо бяху под ними изнемогли...*» [3, с. 397]. Поражение русского войска вызвано, по мнению летописцев, **Божьим гневом**, посланным за грехи русских князей, за то, что Игорь с другими князьями, забыв Бога, руководствовался только стремлением к личной славе, которому сопутствовали грабеж и захват чужих земель: «...*И побежени быша наши гневом Божьимъ...*» [3, с. 397].

После победы над войсками князя Игоря половцы захватили ряд русских городов, оставшихся без защиты, а также нанесли большой урон Русской земле. Но Игорю, после его молитв и в результате его покаяния, удастся бежать из плена, благодаря Божьей помощи.

Заканчивается летописная статья новым моралистическим рассуждением автора о Божьем наказании людей за грехи: «...*Грех ради наших. зане оумножишася греси наши и неправды. Богъ бо казнить рабы своя напастми различными. огнемъ и водою и ратью. и иными различными казнями. хрестьянину бо многыми напастми внити въ царство небесное. согрешихом казними есмь. яко створихом тако и прияхом...*» [3, с. 399].

Повесть о походе Игоря по Ипатьевской летописи значительно больше по объему, чем соответствующая повесть по Лаврентьевской летописи. Как и в Лаврентьевской летописи, повествование начинается с указания на знамение, однако в варианте Ипатьевской летописи есть оценка значения этого знамения героями. Так, воины Игоря говорят, что такой знак не может быть к добру, а князь утверждает, что люди не могут знать значение знамения, это выяснится позже.

Повесть по Ипатьевской летописи включает более подробное описание битв, здесь отмечаются такие детали, как ранение князя Игоря: «...И тако Божиимъ попоущениемъ. оуязвиши Игоря в роукоу. и оумртлиши шющю его...» [4, с. 641]. Подробно описан его побег из плена, сказано, что у князя появляется помощник — половчанин Лавр: «...Моужь родомъ Половчинъ. именовъ Лаворъ. и тотъ приимъ мысль благоу. и рече поидоу с тобою в Роусь...» [4, с. 649]. Первая битва войска Игоря с половцами, в отличие от варианта Лаврентьевской летописи, описывается достаточно подробно, так например называется количество русских полков, географические названия и другие подробности: «...И ти изрядиши полковъ б Игоревъ полкъ середе. а по правоу брата его Всеволожь. а по левоу Святославль сыновца его. на переде емоу сынъ Володимеръ. и другии полкъ Ярославль. иже бяхоу. с Ольстиномъ Кооуеве. а третии полкъ на переди же стрелци. иже бяхоуть от всихъ князии выведени. и тако изрядиши полкъ своя... И яко бьши к реце ко Сюоурлюю. и въехаша ис Половецкихъ полковъ. стрелци и поустивше по стреле на Роусь. и тако поскочиша...» [4, с. 639]. Вторая битва русских войск с половцами также описана достаточно подробно. Автор использует такой прием, как сравнение, когда говорит о половецком войске: «...Начаша въстоупати. полци Половецкии акъ боровъ. изоумешася князи Роускии. комоу ихъ которому поехати. бысть бо ихъ. бецисленое множество...» [4, с. 641].

Повествование расширено здесь и за счет речей действующих лиц, в частности, сам князь Игорь не раз обращается к своим воинам: «...И рече Игорь ко братама и к моужемъ своимъ. се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша победу. а на нас честь и слава...» [4, с. 639].

Обращает на себя внимание тот факт, что в Ипатьевской Повести автор отмечает мужество Игоря и его брата Всеволода во время сражения. Так, Игорь пытается вернуть бежавшие полки: «...Бысть же светающе неделе возмятошася Ковоуеве в полкоу по-

бегоша. Игорь же бяшетъ. в то время на коне. зане ранень бяше поиде к полку ихъ. хотя возворотити к полкомъ. оуразоумев же. яко далече шель есть. от людии. и соимя шоломъ погнаше опять к полкомъ. того для. что быша познали князя и возворотилися быша. и тако не возвится никто же...» [4, с. 641]. А Всеволод проявляет себя как храбрый воин: «...И посреди ихъ Всеволодъ. не мало моужество покаказа... Игорь. виде брата своего Всеволода крепко борюцаяся...» [4, с. 641]. Характерно, что в Лаврентьевской Повести автор в большей степени сосредоточен на осуждении Игоря как организатора похода, который руководствовался гордостью и желанием личной славы.

В тексте Ипатьевской повести присутствует такой характерный композиционный элемент, как покаянная речь Игоря Святославича, в которой он признается в своих грехах, а также в своем участии в междоусобных битвах: «...Рече бо деи Игорьъ. помяноухъ азъ грехы своя преде Господомъ Богомъ моимъ. яко много оубиство кровопролитье створихъ в земле крестьянъстеи... Живии мертвѣмъ завидать. а мертвии радовахоуся. аки моученици святеи. огнемъ от жизни сея искушение приемиши. старце поревахоутъся. оуноты же. лютыя и немилоствыя раны подъяша. моужи же пресекаемы и расекаемы бѣвають. жены же оскверняемы и та вся створивь азъ...» [4, с. 643]. При этом Игорь не только перечисляет все свои грехи, но и воспринимает поражение своих войск как Божье отмщение: «...Рече Игорьъ не достоино ми бяшетъ жити. и се ныне вижду отметье от Господа Бога моего. где ныне возлюбленши мои брать. где ныне брата моего сынъ. где чадо рожения моего. где бояре доумаютъ. где моужи храборъствоующей. где рядъ польчнши. где кони и оружье многоценная. не ото всего ли того обнажихся. и связня преда мя. в руокуы незаконънымъ темъ. се возда ми Господь по безаконию моему и по злобе моеи на мя...» [4, с. 643].

Таким образом, сопоставив Повести о походе Игоря по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям, мы пришли к заключению, что в целом тексты повестей совпадают по композиционной структуре. Однако они значительно различаются по объему. Это обусловлено тем, что текст Повести по Ипатьевской летописи расширен такими композиционными элементами, как речи действующих лиц, покаянная речь князя Игоря, различные подробности повествования.

Повесть по Лаврентьевской летописи более прямолинейна по своей идейной направленности, так как с самого начала в ней последовательно проводится мотив осуждения князей. В Ипатьевской летописи Повесть противоречива по своему идейному содержанию, и это сближает ее со «Словом о полку Игореве». Здесь, с одной стороны, мотив осуждения князей более развернут по сравнению с Лаврентьевским вариантом, так как есть покаянная речь Игоря. Также есть и мотив Божьего наказания, который реализуется через поражение русских войск и дальнейший захват половцами незащищенных русских городов: «...*И тако во день святого воскресения. наведе на ня Господь гневъ свои...*» [4, с. 641]. С другой стороны, князь Игорь прославляется за воинские подвиги.

С жанровым типом «повестей о княжеских преступлениях» Повесть по Ипатьевской летописи сближает трактовка образа Святослава Всеволодовича, князя, переживающего за Русскую землю и напоминающего летописный образ Владимира Мономаха. Святослав Всеволодович, узнав о поражении войска Игоря Святославича, произносит речь, полную горя и сожаления. То же делает и Владимир Мономах, когда узнает, что князья преступили крестное целование Любеческого съезда и ослепили князя Василька Теробовльского. Сравним в Повести о походе Игоря на половцев: «...*Святослав же то слышавъ и вельми въздохнувъ. оутерь слезъ своих и рече. о любя моя братья. и сынве и моуже земле Роускоя. дал ми Богъ притомити погангя. но не воздержавше оуности. **отворишиа ворота на Роусскоую землю.** воля Господня да боудеть. о всемь да како жаль ми бяшетъ на Игоря. тако ныне жалоую болми по Игорю. брате моемь...*» [4, с. 645]. Приведем соответствующий фрагмент из Повести об ослеплении Василька Теробовльского 1097 г.: «...*Вълодимеръ же слышавъ яко ять естъ Василко и ослепленъ. оужасася и **въсналкася вельми.** и рече сего не было естъ. оу Русьскою земли. ни при дедехъ нашихъ. ни при отцахъ нашихъ сякого зла... И глаголя... да поправимъ сего зла. еже ся сотвори. оу Русьскою земли. и в насъ братьи. оже оуверже в ны ножь да аще сего не поправимъ. болше зло въстанеть в насъ. и начнетъ братъ брата заколати. **и погыбнетъ земля Русьская. и врази наши Половци. пришедшие возмутъ землю Русьскую...***» [4, с. 235].

Как видим, оба князя тяжело переживают горе Русской земли, рожденное междуособными распрями, и боятся за суверенитет и це-

лостность Русской земли, за то, что, ослабленная междоусобицами, она может стать легкой добычей для ее давних врагов-половцев.

В целом же можно говорить о том, что текст Повести о походе Игоря по Лаврентьевской летописи более соответствует жанровому типу повестей о княжеских преступлениях, хотя и в ней есть краткое описание битвы с использованием традиционных воинских формул «...и бишася с ними крепко и бысть сеча зла велми...» [3, с. 397]. А Ипатьевский вариант, наряду с мотивами повести о княжеских преступлениях, включает мотивы воинской повести, в частности, более пространное описание битвы. Таким образом, видим, что даже в двух произведениях, посвященных одному и тому же событию, могут быть реализованы мотивы разных жанровых типов летописных исторических повестей, что тоже, в свою очередь, может подтверждать сам факт существования их промежуточного типа.

В итоге, на основании всего сказанного и исходя из того, что мы считаем возможным выделять не две, а три жанровых разновидности исторических повестей в составе древнерусского летописания домонгольского периода, мы предлагаем в качестве характерного примера третьей, промежуточной, разновидности рассматривать летописные повести о походе Игоря Святославича на половцев 1185 г. в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Данные летописные повести, как воинская повесть, включают в себя композиционный элемент описания битв, но, с другой стороны, они отличаются от традиционных воинских повестей своим пафосом, поскольку в их основе лежит осуждение преступлений князя Игоря (междоусобные войны, в которых он участвовал, разорение городов, убийство и пленение жителей, и, конечно же, его гордость, главный грех православного князя, проявившаяся в самом факте организации сепаратного похода). Все эти преступления, включая последнее, описанию которого посвящены Повести, могут рассматриваться как преступления против Русской земли в целом, ведь Игорь своим поражением нанес ущерб не только себе, но и своей земле: «*отвориша ворота на Русьскую землю*». И этот пафос, как и специфика композиции, отразившей набор основных жанрообразующих мотивов (мотив осуждения действий князя и мотив Божьего наказания за преступление), роднит изучаемые повести с жанром повестей о княжеских преступлениях.

Список литературы и источников

1. *Кусков В.* Жанры и стили древнерусской литературы XI — первой половины XIII в.: Автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М., 1980.
2. *Лихачев Д.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. — 406 с.
3. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.
4. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962.
5. *Трофимова Н.* Древнерусская литература. Воинская повесть XI–XVII вв.: Курс лекций; Развитие исторических жанров: Материалы к спец-семинару. М., 2000. — 208 с.